

УСЛЫШУ И ОТЗОВУСЬ

Сбились со счета дни, и Борей покидает озимь,
ночью при свете свечи пересчитывает стропила.
Будто ты вымолвила негромко: осень,
осень со всех сторон меня обступила.
Затихает, и вновь туч на звезды охота
вспыхивает, и дрожит в замешательстве легком стреха.
С уст твоих слетают времена года,
жизнь мою превращая, как леса и овраги, в эхо.
Это твое, тихий дождь, шум, подхваченный чашей,
так что сердце в груди шумит, как ивовый веник.
Но безучастней, чем ты, в тысячу раз безучастней,
молча глядит на меня (в стороне) можжевельник.
Темным лицом вперед (но как бы взапуски с тучей)
чем-то близким воде ботфортами в ямах брызжу,
благословляя родства с природой единственный случай,
будто за тысячу верст взор твой печальный вижу.
Разрывай мои сны, если хочешь. Безумствуй в яви.
Заливай до краев этот след мой в полях мышиных.
Как Сибелиус пой, умолкать, умолкать не вправе,
говори же со мной и гуди и свисти в вершинах.
Через смерть и поля, через жизни, страданья, версты
улыбайся, шепчи, заливайся слезами — сладость
дальней речи своей, как летучую мышь, как звезды,
кутай в тучах ночных, посылая мне боль и радость.
Дальше, дальше! где плоть уж не внемлет душе, где в уши
не вливается звук, а ныряет с душою вровень,
я услышу тебя и отвечу, быть может, глуше,
чем сейчас, но за все, в чем я не был и был виновен.
И за тенью моей он последует — как? с любовью?
Нет! скорей повлечет его склонность воды к движенью.
Но вернется к тебе, как великий прибой к изголовью,
как вожатого Дант, уступая уничтоженью.
И охватит тебя тишиной и посмертной славой
и земной клеветой, не снискавшей меж туч успеха,
то сиротство из нот, не берущих выше октавой,
чем возьмет забытье и навеки смолкшее эхо.

осень 1964